

Автобус развез всех детей по домам, высаживая там, где их уже поджидали родители.

И только когда разошелся последний ребенок, машина направилась в деревню, возвращая съемочную группу и участников.

В пути Чжоу Чуну позвонил Ю Лян.

Ю Лян приглушенным голосом спросил:

— Брат Чун, тебе правда нравится этот Шань Циншань?

Чжоу Чун бросил взгляд на сидевшего рядом Шань Циншаня и негромко хмыкнул:

— Угу.

— А что? Хочешь подарок при знакомстве подогнать? Дешевку не бери, выбирай подороже.

— Брат, а на вашем шоу бывают приглашенные гости? Я тоже хочу приехать, — оживился Ю Лян.

— Дома уже немоготу сидеть? — осведомился Чжоу Чун.

— Да не то чтобы... Просто ты сейчас такой непривычный, я тебя не узнаю.

Смотря прямые эфиры, Ю Лян то и дело орал: «Твою мать!», «Да не может быть!», «Это не мой брат!».

Ему непременно нужно было увидеть, что за искуситель этот Шань Циншань!

Который умудрился так перекроить его брата!

Ю Лян продолжал:

— Да и в нашей тусовке о тебе теперь совсем другие разговоры. Ровесники говорят, что ты живешь на полную катушку и делаешь что хочешь, а старшие нахваливают: мол, какой рассудительный и толковый парень. Дядя Чжоу теперь каждый день тобой хвастается — всем подряд трезвонит, что парень с навозными ведрами — его родной сын.

«...»

«Прекрасно, значит, вот так председатель Чжоу меня пиарит?»

А Ю Лян всё не умолкал:

— Мой отец мне все уши прожужжал! Говорит, мне тоже пора к тебе на перевоспитание, еще и подкалывает: мол, раньше ты за Чжоу Чуном хвостом ходил, а чего ж теперь с ним навоз не таскаешь?

«...»

— Ты же все равно на днях возвращаешься подавать документы на зачисление в Пекинский университет. Как разберешься со всем, захвати меня в деревню, а?

Чжоу Чун на секунду замер.

После перерождения он с головой ушел в заботы о Сокровище Циншане и напрочь забыл о собственных делах.

— Приезжай завтра.

— А?

— Ты же развлечься хотел? Бесплатно не выйдет: с тебя сто тысяч за проживание и впечатления.

— Без проблем!

Ю Лян тоже был из богатой семьи, так что сотня тысяч для него была пустяком.

Не бойся Чжоу Чун, что Шань Циншань откажется брать деньги, заломил бы и больше.

— А съемочная группа согласится? — спросил Ю Лян.

— А их кто-то спрашивать будет?

Его тридцать миллионов в спонсорстве — это для красоты или ритуальная бумага?

— Сразу предупреждаю: здесь придется вкалывать.

— Договорились!

— Подробности обсудим вечером по телефону.

— По рукам.

Чжоу Чун сбросил вызов и повернулся:

— Сокровище Циншань, мне нужно отлучиться на пару дней. Вместо меня приедет мой друг.

— Куда ты?

— Домой съезжу.

Шань Циншань кивнул и зашагал к дому, став еще более молчаливым, чем обычно.

Вечером, когда трансляция отключилась, Чжоу Чун вышел во двор позвонить Ю Ляну и надиктовал список покупок, пообещав все возместить.

Ю Лян немного помолчал.

Шоу «Другая жизнь» стартовало со скрипом, но затем выстрелило со страшной силой, приковав к себе внимание огромной аудитории.

Кто-то увлеченно шипперил пару, кто-то устраивал сетевые баталии, поливая продюсеров помоями и называя шоу полным дерьмом:

парням еще и двадцати нет, а их уже вытащили торговать «социалистической братской дружбой».

Вот только Ю Лян знал: никакой показухи тут нет — его брат действительно по уши втрескался.

Непривычно, до жути непривычно.

— Брат, он тебе настолько нравится?

— Да.

— И почему у тебя мозги набекрень не съехали, почему не заявил, что никуда от него не уедешь?

— Я влюблен, но не идиот. Если не развиваться и ничего из себя не представлять, какая к черту любовь? Чтобы Сокровище Циншань со мной зубы на полку положил?

Ю Лян мысленно поставил ему лайк:

— Брат, золотые слова.

— Я уеду завтра, когда ты прибудешь. Но кое о чем предупрежу заранее.

— Слушаю, брат.

— Я считаю тебя другом и братом, и о своей симпатии от тебя ничего не скрываю. Мы дружим больше десятка лет, с тех самых пор, как ты ещё в штанишках с прорезью за мной хвостиком бегал.

Тронутый внезапным приступом сентиментальности, Ю Лян протянул:

— Брат...

— Поэтому заруби себе на носу: жену друга не трогают.

«...»

— Приедешь — помогай Сокровищу Циншаню по хозяйству. Работать будешь не меньше меня, а больше! Я лично буду следить за тобой в прямом эфире.

Ю Лян взвыл:

— Брат, ты меня в рабсилу нанимаешь! Я передумал, не поеду!

Чжоу Чун понизил голос:

— Только попробуй.

«...»

Он не посмеет.

Среди ночи Ю Ляну пришлось разослать людей за покупками по списку и паковать чемоданы.

Когда все было готово, зазвонил телефон: на экране высветилось имя Юй Синья.

— Тетя, добрый вечер. Что-то случилось?

— Сяо Лян, ты к Сяо Чуну едешь?

— Да-да.

— Прихвати с собой Сяо Шо.

Чего?

Если память ему не изменяет, Чжоу Шо всего четыре года!

— Тетя, вы уверены?

— Абсолютно, — твердо отрезала Юй Синья. — Отправлю на перевоспитание, а то вырастет таким же раздолбаем, как старший. Он и сам туда рвется, вещи я уже собрала. Завтра утром пришлю вертолет — доставит вас обоих прямо на место. И не забудь передать Сокровищу Циншаню привет от меня!

Повесив трубку, Ю Лян впал в глубокий экзистенциальный кризис.

Что, в доме Шань Циншаня мёдом намазано?

Мало того, что он сам напросился, так еще и мелкий Чжоу Шо туда же!

...

На следующее утро, когда Шань Циншань встал, Чжоу Чун всё еще валялся в постели, катаясь в одеяле взад-вперед точь-в-точь как умалишенный.

— Ты что делаешь?

— Оставляю свой запах.

«...»

Чжоу Чун с предельно серьезным видом наставил:

— Сокровище, помни: это моя кровать, никому не разрешай на ней спать. Он мне, конечно, брат, но дружба дружбой, а табачок врозь.

Шань Циншань потерял дар речи от этой собачьей манеры метить территорию.

— Сокровище дома? Сокровище-о!

Услышав крик со двора, Шань Циншань вышел.

У калитки стояла Шань Фан со вчерашними сумками в руках. На ее лице сияла приторно-ласковая улыбка — вылитая заботливая тетушка.

— Сокровище, тетя пришла тебя навестить.

Чжоу Чуну даже на лицо Шань Циншаня смотреть не требовалось, чтобы понять: эта родственница — та еще дрянь.

Столько дней носа не казала, а стоило передаче взлететь в топ — тут как тут.

В прошлой жизни он ее ни разу не видел.

Шань Фан решила нанести упреждающий удар: надавить на жалость, прикрыться авторитетом старшей и выжать из племянника деньги.

— Даже воды тете не нальешь? Встал в дверях и в дом не пускаешь?

Шань Циншань без малейшей пощады сорвал с нее маску:

— Ты два года здесь не появлялась. Для тебя в этом доме кружки нет.

Шань Фан натянуто хихикнула:

— Тетя занята была, дома трое детей по лавкам, забот полон рот. Я сегодня гостинцев принесла. Бабушка дома?

С этими словами она шагнула в дом.

Шань Циншань заслонил проход.

Чжоу Чун тут же пристроился плечом к плечу с Шань Циншанем.

Вдвоем они перекрыли дверной проем наглухо.

— Ты тетя Сокровища Циншаня? — поинтересовался Чжоу Чун.

Шань Фан знала, что Чжоу Чун — мальчик из богатой семьи, и расплылась в угодливой улыбке:

— А вы, должно быть, молодой господин Чжоу? Я тетя Шань Циншаня. Ох, вы посмотрите на меня: так спешила маму проведать, что для вас даже подарка при знакомстве не прихватила.

— На тетю Сокровища Циншаня вы не тянете, — усмехнулся Чжоу Чун. — Морда у вас такая непробиваемая, я уж грешным делом подумал: городская стена ожила и на чай пожаловала.

Шань Фан едва не лопнула от злости, но изо всех сил натягивала улыбку:

— Я к себе домой пришла, вы чего мне дорогу заступили?

— Из уважения к возрасту назову вас тетей, — протянул Чжоу Чун. — Дела у вас дома прямо на редкость понятливые: пока в семье была нищета, они нагружали вас так, что и секунды проведать родных не оставалось. А стоило племяннику стать знаменитым — сразу все дела испарились, и время забежать нашлось.

Чжоу Чун врубил язвительность на максимум — Шань Циншань даже вставить слова не успевал.

— Эй, парень, как ты со старшими разговариваешь...

— Со старшими? Какая из вас старшая? Любой, кто старше по возрасту, уже старший? Чего ж вы тогда старосту папашей не кличете?

Шань Фан позеленела.

— Брат Чун!

Ю Лян издали завидел Чжоу Чуна и замахал руками как сумасшедший.

Чжоу Чун покосился в ту сторону.

Рядом с Ю Ляном семенил ребенок.

Твою ж мать!

Чжоу Шо.

Этот-то как здесь оказался?!

Ю Лян подбежал к порогу:

— Бабуля, извините, подвиньтесь, пожалуйста. Нам с братом обняться надо.

Услышав это, Шань Фан развернулась — на ком-то надо было сорвать злость:

— Ты как меня назвал?! Разуй глаза и посмотри получше!

Ю Лян внимательно оглядел ее с ног до головы, невинно захлопал большими чистыми глазами...

... и с еще большим почтением и вежливостью повторил:

— Бабуля.

<http://bllate.org/book/19795/1950918>